

УЖИН С...

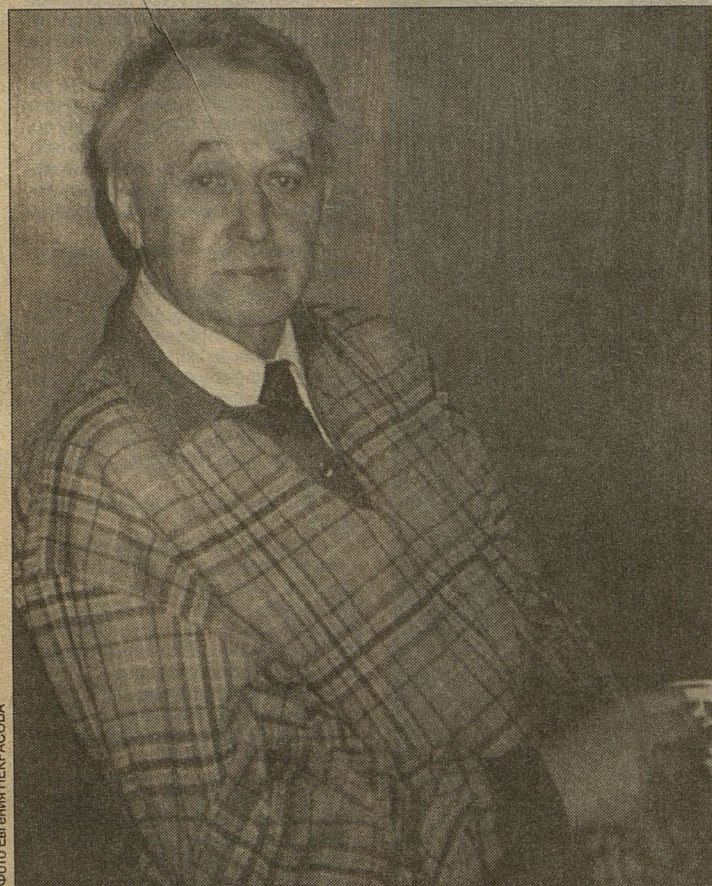

ФОТО ЕВГЕНИИ НЕКРАСОВА

— Год с 57-го я начал ходить в Центральный Дом литераторов. Писательская организация была относительно небольшая, и все узнаваемо. Заходишь в ресторан — Ярослав Смеляков, Константин Симонов, Михаил Светлов... А Евтушенко, Вознесенский были молоденькие, наши товарищи. Жизнь бурлила. Под винными парами поэты читали друг другу стихи и тут же кого-то возвышали, кого-то низвергали, кому-то могли крикнуть: «Ты сталинист!». Или ведут по Дому индийскую делегацию: «А вот здесь мы отдыхаем», — и кто-то из секретарей Союза, кажется, Константин Симонов, открывает дверь... А там один писатель другому дает в глаз. Как живая протоплазма это кипело, вспыхивали споры, возникали новые течения и оживали старые: и постмодернизм, и традиция вплоть до гекзаметра, и свободный стих любого толка — там все было и все очень сильно воспринималось слушателями. На поэтические вечера в Доме литераторов народ не помещался, мы выступали во дворцах

спорта, и попасть туда было труднее, чем на хоккей...

— А вам двадцать с небольшим.

— Ну да, и сразу такая слава для молодого человека.

— Владимир Андреевич, вас приняли в Союз двадцати пяти лет. По тем временам это был нормальный возраст для поэта?

— Это сейчас нормальный возраст, когда союзы писателей, соревнуясь друг с другом, устраивают массовые приемы. А из «набора» 61-го года я был самый молодой. Примерно в то же время приняли Андрея Вознесенского, но он постарше меня.

— Не слышу в вашем голосе пикетета к нынешним творческим союзам. Это позиция вашего Клуба независимых писателей?

— Наш Клуб для тех людей, которые не хотели бы заниматься в писательской организации политическими играми. Туда входят люди разных мировоззрений, мы тихо живем, по-человечески. Общаемся, у кого проблемы, стараемся помочь.

— А с чем вы связываете поэти-

Владимир Костров: Бел. Москва. - 1998. - 11 июня. - с. 4.

Официантки нам верили в долг

Евгений НЕКРАСОВ

Такого больше не было в истории ни одной литературы. И у нас было пять, от силы десять лет, чтобы поэты собирались не залы, а площадки и стадионы слушателей. То, о чем боялись писать газеты, звучало в стихах со сцены, да и «просто лирика» казалась откровением — еще не забылся проклятый ярлык «есенинщины». Оттепель, незавершенная перестройка 60-х годов... А в 80-х огрузневшие шестидесятники, с умилением вспоминая, как их принимали в Союз писателей по нескольким опубликованным стихотворениям, установили квоту для приема молодых: две книжки. Как говорится, лосенок маленький, на всех не хватит. Я это пишу к тому, что есть у меня претензии к литературному поколению Владимира Кострова. А поэт он интересный. Помните его шутивное: «Жизнь такова, какова она есть, и больше никакова»?

ческий бум 60-х годов?

— Мы ионаиты, Россия прочла Евангелие от Иоанна Златоуста. У нас дорог нет, одни направления, как говорил Петр, сам блестящий публицист, поэтому слово всегда было связующим и всегда его слушали. И строилась Россия словом — «Наставление Владимира Мономаха», — и разрушалась в 17-м году при помощи слова, и в 91-м все со слов началось... Поэтому когда наступило раскрепощение после XX съезда партии, то прежде всего народ обратился к слову. Незвизирая на цензуру, живое слово несло в себе заряд свободы...

— Давайте поподробнее о ресторане ЦДЛ тех лет.

— Фирменным блюдом был судак орли, он стоил семьдесят копеек, что ли, и супы тогда наливали по полной тарелке — сейчас же мало того, что это дорого, но и еще и наливают всего ничего. Замечательно удавалась колбаса по-извозничьи: большой кусок отварной колбасы с тушеной капустой, докторской, а иногда и с жарком, а сверху лежало яйцо, глазунья. Ну и выпить, конечно.

но. Наценок не было, и если ты имеешь право прохода в Дом литераторов, то можно было у стоечки... И, наконец, если не было денег, официантки давали в долг за небольшую потом доплату.

— Официантки всех знали?

— Еще бы! Персонал по многу лет работал.

— Назрела история про знаменитого Моисея Маргулиса, парикмахера ЦДЛ.

— Пожалуйста. Виктор Урин, который сейчас живет в Америке, занял у Маргулиса пятьдесят рублей и некоторое время не отдавал. Потом говорит: приди к памятнику Пушкину, там недалеко издательство «Советский писатель», я получу гонорар и верну тебе долг. Маргулис пришел, ждал, ждал и не дождался. И вот, когда я у него стригся, он дал Урину такую трогательную рецензию: «Как из Урина не вышел Пушкин, так и к Пушкину не вышел Урин».

— Николай Глазков — литературная легенда. Его еще при жизни растащили на афоризмы.

— Глазков меня учил: «Курить так

же вредно, как полезно выпивать». Мы с ним играли в шахматы — я прилично, а он не очень, хотя любил. Поэтому он меня забирал из Дома литераторов к себе, покупал вина и заставлял играть. До тех пор меня поил, пока не обыгрывал.

— Про Михаила Светлова ходит много баек.

— Представьте: первая неделя русской литературы в Белоруссии. На банкете Мазуров и прочая партийная элита; нашу делегацию возглавлял Леонид Соболев. Я сидел около Михаила Аркадьевича и сдерживал его, чтобы он не напился раньше времени. Потом Светлов встал, сказал тост и, считая себя свободным, набрался очень быстро. И я, как ангел спящего младенца, на руках выносил его из зала. Все так сочувственно смотрели. После этого Светлов относился ко мне с симпатией, и была такая история, Женя Храмов не даст соврать. Сидят в ресторане ЦДЛ Светлов и Сергей Сергеевич Наровчатов, он иногда тоже довольно сильно запивал. В тот момент на столе перед Наровчатовым стоял бокал портвейна, и Сергей Сергеевич смотрел на него с такой надеждой, что он даст ему прилив новых сил. Входим мы с Храмовым, Светлов меня подзывает: «Володя, выпейте со мной коньячку». Налил мне рюмочку и подарил для жены шоколадку, написав на обертке: «Будь счастлива, Лариса, и с мужем не борись». А Евгений Львович Храмов был слегка на взводе. В таком состоянии резко возрастал его потенциал, скажем, не воинственности, а нахальства. И он, увидев, что я пью этот коньяк, взял бокал Наровчатова и бодро выпил, сказав: «А вам, Сергей Сергеевич, хватит!».

— То есть доступные были люди?

— Абсолютно! Пустят или не пустят к себе за стол, это уже другое дело. Но к молодым относились без ревности. Меня ведь пригласил в Союз секретарь московской писа-

тельской организации Степан Щипачев — сам пригласил, и меня принимали.

— Мне Георгий Витальевич Семенов рассказывал, они с Юрием Казаковым приходят с охоты, а им говорят: вас приняли в Союз писателей — без заявлений, без обивания порогов. А я застал в 80-е годы такую толкотню у кор-мушки...

— Чтобы приняли, как Казакова и Семенова, нужно написать, как Казаков и Семенов. Они начали с очень сильных и ярких вещей. Сейчас крайне редко такие вещи возникают — и тогда нечасто, но тогда был общий подъем в стране, а я все-таки верю в то, что в такие моменты растет и вдохновение... Не думаю, что можно, как некоторые говорят, составлять литературные тексты как кроссворды. Литература изначально связана с творением: творчество — это же высшее понятие, этическое и эстетическое. А ее сейчас принижают до примитивного ремесла.

— Вы говорите, что молодые плохо пишут, а молодые — что шестидесятники забронзовели...

— Конечно, это было, целый ряд писателей строил свою карьеру не литературным, а чисто организационным трудом. Но смотрите сейчас: ну какой писатель Юрий Черниченко? Никакой. А он существует, он выступает, он кого-то учит. Я думаю, что во всех писательских организациях такие процессы идут — и у демократов, и у государственников. Но раньше, в Союзе писателей СССР, если давали премию писателю из одной группы, то сразу выделяли писателя из другой. Это легче воспринималось. А сейчас они внутри себя расписывают премии, да и все. Полная стадность, и я вообще туда не хожу. Хотелось бы, чтобы мы пришли к такому состоянию, как в Америке. У них существуют литературные ассоциации, где все разное пишущие, разное думающие; ругаются, но когда решают свои профессиональные вопросы, объединяются.

— А вы ближе к государственным или к демократам?

— Я не тяготею к каким-то союзам, хочу, чтобы в этом смысле писатель был свободен, но не освобожден от целого ряда вещей. Если строить литературу вне возвышенного и прекрасного, на голом натурализме, на дворовом сленге, то скорее всего не будет никакой литературы, пусть это все зарабатывает на носу! Я очень высоко ценю 60-е годы. У нас были великое кино и великая литература. А как только дали свободу — и сказать нечего, исчезло иносказание, исчезла литература. Остались критика и разговоры о литературе...